

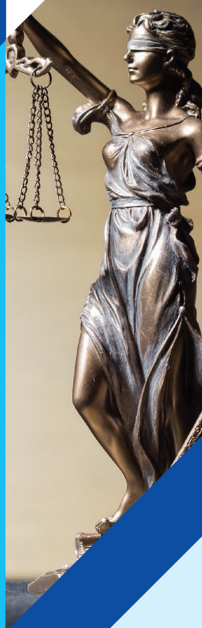

Санкт-Петербургский
государственный
университет

МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
**ВОПРОСЫ РУССКОГО ЯЗЫКА
В ЮРИДИЧЕСКИХ ДЕЛАХ
И ПРОЦЕДУРАХ**

18 мая 2021 года
г. Санкт-Петербург

УДК [811.161.1: 821.161.1:37.02](063)
ББК 81.2Рус
Р89

Вопросы русского языка в юридических делах и процедурах.
Международная научно-практическая конференция. – СПб.:
Первый класс, 2021. – 544 с.

ISBN 978-5-604374733

© МАПРЯЛ, 2021
© Коллектив авторов, 2021
Издательство «Первый класс», 2021
Все права защищены

И.А. Нефляшева

*Аппарат Государственного Совета – Хасэ Республики Адыгея,
Российская Федерация, Республика Адыгея,
385000, г. Майкоп, ул. Жуковского, 22
АРОО Ассоциация лингвистов-экспертов «Аргумент»
Российская Федерация, Республика Адыгея,
385000, г. Майкоп, ул. Краснооктябрьская, 19, 9*

ДЕСКРИПТИВНОСТЬ КАК ТЕНДЕНЦИЯ ЯЗЫКА РЕГИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Статья посвящена анализу тенденции описательных наименований в языке федерального и регионального законодательства. Рассматриваются частотные формулы номинаций органов государственной власти и их лексический статус. Делаются выводы о негативном характере тенденций дескриптивности и детерминологизации в языке закона.

Ключевые слова: юридическая лингвистика, язык закона, дескриптивность, детерминологизация.

Доступность, являясь одним из конституирующих принципов языка законодательства, в то же время является и источником присущего ему противоречия. Язык закона прежде всего система, обсуживающая профессиональную коммуникацию юристов, правовой социолект насыщен специальными номинациями, терминами, характерными для профессионального субстрата, требование же понятности и доступности нормативных предписаний для всех членов языкового коллектива предписывает необходимость их специальной дефиниции или использования описательных конструкций.

Обращает на себя внимание выявленная в поле федерального и регионального законодательства и на протяжении нескольких лет наблюдения расширяющаяся тенденция к описательности номинаций органов государственной власти и организаций, обладающих властно-распорядительными полномочиями.

Проследим это на примере изменения редакций части 5 статьи 4 Федерального закона от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации». Если в момент принятия закона в данной части указано, что *«Координацию туристской деятельности в Российской Федерации осуществляет федеральный орган исполнительной власти в сфере туризма»*, то в

2007 году наименование органа в тексте закона было изменено, при этом появилось сокращение, повторяющее прежнее полное описание:

Государственное регулирование туристской деятельности в Российской Федерации осуществляет в пределах своих полномочий федеральный орган исполнительной власти, на который возложены функции по проведению государственной политики, нормативному правовому регулированию, оказанию государственных услуг и управлению государственным имуществом в сфере туризма (далее – федеральный орган исполнительной власти в сфере туризма)» (ФЗ от 05.02.2007 № 12-ФЗ).

И в 2012 году появляется формулировка *«Государственное регулирование туристской деятельности в Российской Федерации осуществляется уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти (далее – уполномоченный федеральный орган исполнительной власти)»* (ФЗ от 03.05.2012 № 47-ФЗ).

Таким образом, наименование государственного органа в тексте законодательного акта последовательно заменялось описанием его полномочий, в действующей редакции дескрипция сосредоточена вокруг концепта *«государственное регулирование»*.

Соответствующий орган государственной власти Республики Адыгея, ведающий вопросами туризма, Комитет Республики Адыгея по туризму и курортам, входящий в систему исполнительных органов государственной власти, в законодательных актах последовательно именовался как:

– орган государственной власти Республики Адыгея в сфере туризма (Закон Республики Адыгея от 02.08.1995 № 30 «О туризме»; вслед за упомянутым нами Федеральным законом от 24.11.1996 № 132-ФЗ использована дескрипция «органы государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере туризма»);

– исполнительный орган государственной власти Республики Адыгея, обеспечивающий проведение на территории Республики Адыгея государственной политики в сфере туризма и курортов (Закон Республики Адыгея от 08.07.2019 № 252 «О полномочиях органов государственной власти Республики Адыгея в сфере развития туризма»).

Наименование государственного органа в Республике Адыгея также заменяется описанием его полномочий, в действующей

редакции дескрипция сосредоточена вокруг концепта «*проведение государственной политики*» (ср. с концептом «*государственное регулирование*» федерального акта).

Законодатель объясняет использование описательной номинации прагматическими задачами: закон как высший нормативный акт должен быть стабильным и охватывать область правового регулирования в ее существенных векторах, не подверженных сиюминутным изменениям, а название органа может измениться (*комитет/министерство/департамент; туризм/туризм и курорты, спорт, туризм etc.*).

Действительно, начиная с 1992 года соответствующий федеральный государственный орган или структура носили названия комитета, государственного комитета, департамента, федерального агентства; помимо туризма, в ведение указанных органов могли входить физическая культура, спорт, молодежная политика, что отражалось в их названиях. В 2004 году федеральный орган исполнительной власти в сфере туризма получил название *Федеральное агентство по туризму (Ростуризм)*. Подобные процессы наблюдались и на региональном уровне, но уже в 2005 году в Адыгее образован *Комитет Республики Адыгея по туризму и курортам*, его название не менялось.

Представляется, что объяснение «простой целесообразностью» прикрывает тенденцию к использованию наименований органов власти в целях, выходящих за пределы функции идентификации, – для описания характеристик и полномочий властного субъекта.

Ранее частотные формулы «исполнительный орган государственной власти в сфере/в области...» и «исполнительный орган государственной власти, ведающий вопросами в сфере/в области...» (туризма, экономической политики, финансов...) имели функции идентификации соответствующих органов без их наименования:

орган исполнительной власти Республики Адыгея в сфере образования (базовый Закон Республики Адыгея от 18.12.2007 № 131); *исполнительный орган государственной власти Республики Адыгея, ведающий вопросами финансов* (Законы Республики Адыгея от 26.07.2002 № 82, 08.06.2011 № 4 и др.);

исполнительный орган государственной власти Республики Адыгея, ведающий вопросами сельского хозяйства (Закон Республики Адыгея от 01.04.2016 № 523);

орган исполнительной власти Республики Адыгея, ведающий вопросами охраны труда (Закон Республики Адыгея от 11.07.2001 № 24).

Принятые сейчас обозначения дополняются дескрипцией типа, задач и возможностей властного субъекта, в них содержится отсылка к концептам «государственное управление», «проведение/реализация государственной политики»:

исполнительный орган государственной власти Республики Адыгея, осуществляющий государственное управление в сфере образования (акт изменения Закон Республики Адыгея от 02.07.2014 № 313);

исполнительный орган государственной власти Республики Адыгея, осуществляющий государственное управление в области физической культуры и спорта (Закон Республики Адыгея от 08.08.2019 № 269);

исполнительный орган государственной власти Республики Адыгея, осуществляющий государственное управление в сфере здравоохранения (Закон Республики Адыгея от 04.08.2016 № 563);

исполнительный орган государственной власти Республики Адыгея, осуществляющий функции по реализации государственной политики в сфере труда и социального развития (Закон Республики Адыгея от 30.03.2021 № 450).

Новации последнего времени связаны с вынесением лексемы уполномоченный в начало данных дескрипций:

уполномоченный исполнительный орган государственной власти Республики Адыгея на осуществление функций по организации регулярных перевозок (Закон Республики Адыгея от 08.08.2019 № 261);

уполномоченный исполнительный орган государственной власти Республики Адыгея по регулированию тарифов на регулярные перевозки (Закон Республики Адыгея от 08.08.2019 № 261);

уполномоченный исполнительный орган государственной власти Республики Адыгея в сфере здравоохранения (Закон Республики Адыгея от 24.02.2021 № 441).

Следует отметить, что большинство анализируемых дескриптивных конструкций перешло из текстов федерального законодательства в региональное вследствие юрислингвистического требования единообразия законодательной техники и стиля документов.

Вызывает вопросы лексический статус таких номинаций. Из системы юридических онимических терминов наименования превращаются в устойчивые словосочетания. Так, при изменении наименования высшего должностного лица субъекта с *Президента* на *Главу* жестким требованием со стороны законодателя было изменение всего многословного комплекса, а не его отдельного фрагмента (например, *Администрация Президента Республики Адыгея и Кабинета Министров Республики Адыгея*).

Анализируемые конструкции характеризуются закрепленным порядком следования компонентов. В системе регионального законодательства наименования орган исполнительной власти Республики Адыгея рядом специальных актов-изменений были заменены на исполнительный орган государственной власти Республики Адыгея.

Еще одна характеристика подобных номинаций – повторяемость. При последующем упоминании в тексте закона и в подзаконных актах соблюдается набор и порядок компонентов. Однако ввиду большого числа лексем законодателем зачастую используются сокращения типа *далее – уполномоченный орган*.

Таким образом, многословные описательные конструкции сохраняют характеристики терминологических единиц, не являясь ими по смыслу.

Очевидно, что излишнее стремление заполнить наименование органа всеми его компетенциями и полномочиями приводит к речевой избыточности (*уполномоченный орган... на осуществление функций по организации регулярных перевозок* – это орган по организации перевозок; слова *уполномоченный, на осуществление функций* избыточны) и даже казусам (*уполномоченный орган осуществляет свои полномочия через уполномоченные им подведомственные организации; иные полномочия уполномоченных органов относятся к полномочиям уполномоченного органа*).

Сомнительна необходимость в такой регламентации и с юридической точки зрения: компетенции органов в подобных законодательных актах посвящены специальные статьи либо вопросы их ведения регламентируются специальными положениями.

Наличие многословных описаний компетенций, соответствующих почти дословно тематике законодательного акта, размывают идентификационную функцию названий органов власти, вопрос о том, в какой конкретно орган обращаться за решением вопроса, остается открытым для лица, не обладающего правовыми знаниями:

исполнительный орган государственной власти Республики Адыгея, уполномоченный в сфере управления и распоряжения государственной собственностью Республики Адыгея (Закон Республики Адыгея от 26.03.2020 № 330 «О внесении изменений в Закон Республики Адыгея «О республиканском бюджете Республики Адыгея на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов»);

исполнительный орган государственной власти Республики Адыгея, уполномоченный в области обращения с животными (Закон Республики Адыгея от 04.03.2020 № 323 «Об отдельных вопросах

регулирования отношений в области ответственного обращения с животными»);

исполнительный орган государственной власти Республики Адыгея, уполномоченный в сфере создания и обеспечения охраны особо охраняемых природных территорий (Закон Республики Адыгея от 27.03.2020 № 336 «О внесении изменений в Закон Республики Адыгея “О регулировании отдельных вопросов в сфере создания и обеспечения охраны особо охраняемых природных территорий республиканского и местного значения»);

уполномоченный исполнительный орган государственной власти Республики Адыгея в сфере организации отдыха и оздоровления детей (Закон Республики Адыгея от 27.03.2020 № 331 «О внесении изменения в статью 11 Закона Республики Адыгея «Об охране семьи, материнства, отцовства и детства»).

Таким образом, использование дескриптивных номинаций в юридическом дискурсе способствует размыванию правовых дефиниций, делая акцент на их буквальной описательности, что позволяет говорить о том, что описательность как тенденция языка законодательства противоречит требованиям точности и понятности юридического текста.

DESCRIPTIVENESS OF NOMINATIONS AS TRENDS IN THE LANGUAGE OF REGIONAL LEGISLATIVE ACTS

Indira Aminovna Neffiasheva

The Apparat of the State Council – Khase of the Republic of Adygea, Association of Linguistic Experts «Argument»

The article deals with a study of the tendency towards descriptiveness of the nouns of state authorities revealed in the field of regional legislation. Frequency formulas of such nominations and their lexical status are considered. Conclusions are made about the negative nature of determinization tendencies and descriptiveness of nominations in the language of law.

Key words: legal linguistics, language of law, determinologization.

Контактная информация:

Нефляшева Индира Аминовна – кандидат филологических наук, доцент;
argumentum@list.ru